

Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов

**Евгений Валентинович Каракин
Татьяна Владимировна Пашкова**

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В предложенной статье авторы обращаются к значению и символике красного цвета в языковой картине мира и этнокультуре карелов. Акцентируется внимание на лексемах, номинирующих красный цвет. В поле зрения авторов оказывается и лингвоцветовая картина мира: языковая символика огня, крови и описание внешности человека. На актуальность исследования указывает необходимость изучения различных аспектов языка и культуры карелов, которые относятся к коренным народам, находящимся под угрозой исчезновения.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили словари карельского языка, образцы карельской речи и фольклорные источники. Применялись сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический и этнолингвистический методы исследования.

Результаты исследования и их обсуждение. Собранный и исследованный материал показал, что карелы придавали большое значение красному цвету. Он наделялся апотропейными свойствами и фигурировал как оберег. В лингвокультуре именованию красного цвета проявляются в формировании карельской языковой картины мира при номинации крови, внешности человека, болезней и др. Практическая значимость исследования видится в возможности использования предложенных материалов в курсах лексикологии, карельского языка, а также в преподавании краеведения и этнографии. Теоретическая значимость определена тем, что полученные данные могут заложить основу для дальнейшего изучения символики цвета, цветового кода и т. д. в языковой и этнокультурной картине мира карелов.

Заключение. Проведенное исследование выявило, что красный цвет имел свое четкое значение в языке и культуре всех групп карелов. Эта тенденция прослеживается и у других прибалтийско-финских народов, в частности у вепсов и финнов.

Ключевые слова: карелы, карельский язык, красный цвет, языковая картина мира, этнокультура

Для цитирования: Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Красный цвет в лингво- и этнокультуре карелов // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 3. С. 334–342. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.334-342.

Введение

Символика цвета прослеживается у каждого народа во многих культурных пластах, которые обусловлены различными факторами: природно-географическими условиями местности, социально-экономическим развитием, традиционным мировоззрением и др. К одним из таких пластов следует отнести карельскую народную медицину, на которую, помимо вышеупомянутых аспектов, большое влияние оказали локальные группы других народов (вепсы, русские), проживающие на одной территории с карелами и тесно контактирующие между собой. Кроме того, цветовая символика находит свое отражение в промысловой и хозяйственной деятельности (охота,

скотоводство), любовной магии, свадебной традиции карелов и др.

Научная новизна исследования определяется отсутствием изысканий по затронутой проблематике. На его актуальность указывает необходимость изучения различных аспектов языка и культуры карелов, которые относятся к коренным народам, находящимся под угрозой исчезновения.

Обзор литературы

Символика цвета не становилась специальным объектом исследования на карельском материале. В связи с этим теоретико-методологической базой стали труды, в

которых анализируются цветовые коды и символы цвета в народной медицине удмуртов [17] и традиционной одежде обских угров [4], семантика цвета в истории и культуре тюрков [2], восприятие белого и черного цветов в славянской дохристианской культуре [11] и др. Упоминание цветовой символики в лингво- и этнокультуре карелов фрагментарно встречается в исследованиях Н. А. Лавонен [14], К. К. Логинова [16], Ю. Ю. Сурхаско [21], С. Паулахарью [25], Ю. Пентикяйнена [26] и др.

Материалы и методы

В качестве лингвистических источников использовались словари карельского языка и образцы карельской речи¹, а также сборники фольклорных текстов².

Представленное исследование базируется на этнолингвистическом, сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом методах. Этнолингвистический метод позволил установить связь между анализируемыми именованиями и традиционной культурой карелов. Посредством сравнительно-сопоставительного метода к исследованию привлекался лексический материал. Применение сравнительно-исторического метода обусловлено использованием данных по различным аспектам рассматриваемой проблематики у близкородственных карелам народов и русских.

Результаты исследования и их обсуждение

В карельской лингво- и этнокультуре выбору цвета придается большое значение. Эта тенденция прослеживается в традициях, обрядах, верованиях и других народов (см., например: [2–4; 6; 23; 26]). Многие цвета имеют свое четкое значение. Обра-

тимся к этим аспектам посредством языка и культуры карельского народа.

Красный цвет является основным в цветовой символике. Это цвет жизни, здоровья, солнца, а также он наделен апотропейными свойствами [3, 647; 6, 430, 434; 7, 386]. Для обозначения красного цвета в карельском языке служат лексемы ск. *ruškie*, *ruskie*, ливв. *ruskei*, люд. *rusked³*. Наряду с именованиями *ruškie/ruskie* в собственно карельском наречии в фольклорных текстах для придания им большей музыкальности и выразительности в значении красного цвета используется лексема *punani*: *Tuošša istuu poikia punapartoja, punotah punaista köyttä, raunikojah rautaköyttä...* «Тут сидят парни краснобородые, плетут красный канат, вяжут железный трос...»⁴. Именование *punani* спорадически фиксируется в карельском языке на соседствующих с Финляндией территориях, что указывает на его заимствование из финского языка [23, 69–70]. Примечательно, что основа *puna-* зафиксирована в карело-язычных эвфемизмах: *punahattu*, *punalakki* ‘дятел (букв.: красная шляпа (шапка))’, *punalaita* ‘червонец (букв.: красный край)’⁵.

Красный цвет ассоциируется с кровью. У многих прибалтийско-финских народов в среде охотников и скотоводов существовало табу на использование слова «кровь». Считалось, что при его упоминании она (кровь) будет загустевать и не сможет вытекать из забитого животного. Согласно другому поверью, это истинное название может спугнуть животное на охоте или при забое [24, 254–255]. В карельском языке в таких случаях применялись эвфемизмы:

– *punani* ‘кровь (букв.: красный)’: *ei sittä lehmiem punaista otettu* «в пищу кровь коровы не использовали»⁶;

¹ См.: Образцы вепсской речи / сост.: М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л., 1969; Образцы карельской речи / сост. В. Д. Рягов. Л., 1980; Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994; Слушаю карельский говор: Образцы речи держанских и валдайских карел / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 2001; Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007; Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968–2005; Kujola J. *Luuydiläismurteiden sanakirja*. Helsinki, 1944.

² См.: Песенный фольклор кестеньгских карел / сост. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 2020; Karjalaisia sananpölvia / toim.: S. L. Miettinen, P. Leino. Helsinki, 1971.

³ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198; Kujola J. *Op. cit.* S. 369.

⁴ Песенный фольклор кестеньгских карел. С. 240.

⁵ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 4. S. 502, 503.

⁶ *Ibid.* S. 502.

– *leppä* ‘кровь животного, рыбы; менструация; молоко с кровью (букв.: ольха)’; (*kalasta leppyä valuu* «из рыбы кровь течет»)⁷;

– *ruskie* ‘кровь (букв.: красный)’; *ruskie lašetah pois šiivatašta* «кровь выпускают из скотины»⁸;

– *ruskie maido* ‘кровь (букв.: красное молоко)’; *anoin nõkkah, niin anoin, ruskie maido läks* «так в нос дал, что кровь пошла»⁹.

О менструациях, как и о некоторых заболеваниях, принято было говорить иносказательно: *punatauti* ‘менструация (букв.: красная болезнь)’ [ПМА]; *ruskiel hevol vierahat tuldih* «месячные начались (букв.: на красной кобыле гости прибыли)»¹⁰. Возможно, это было связано с представлениями о том, что кровь, замеченная другим человеком, особенно подвержена сглазу или порче [24, 257].

Охра, являясь символом крови, в основании стен, у пространства входов и опорных столбов в древних жилищах Карелии служила своего рода строительной жертвой и оберегом [8, 96–97]. Охристые и красные оттенки связаны с воскресением и перерождением души [13, 204].

Неслучайно красный встречается в обряде поднятия лемпи (славутности). Будучи цветом крови и огня, он провоцирует взрыв эмоций и возбуждение любви (увеличение пульса, частоты дыхания) [20, 63, 182]. Красная нить, которой в этом обряде перевязывают любовный веник, символизирует жизненную силу и любовную страсть [10, 165]. При растопке бани для поднятия лемпи используются ольховые дрова, которые благодаря красному цвету ассоциируются с кровью и душой [12, 282].

Ольховые ветки карелы также применяли при приготовлении воды для первого

омовения ребенка. Ветки парили в печи до тех пор, пока вода не становилась по цвету похожей на кровь [9, 67].

Красный цвет в карельском языке символизирует огонь: *ruskie reboi katoksil juoksendeli leyhki* «огонь на крышах полыхал (букв.: красная лиса по крышам бегала)»¹¹; *ruskie kukko katolla lenti* «крыша загорелась (букв.: красный петух взлетел на крышу)» [ПМА]; *punaista puurnu täys? (hiilet hiiloksessa)* «красного полон ларь. Что это? (горящие угли в загнетке)»¹².

При описании внешности человека лексема *ruskie* указывает на его здоровье и красоту: *rožazet ku ruskiel juablokkažet* «щечки, как красные яблочки»¹³; *rožat on ruskiel ku buolažet* «щеки красные, как бруснички»; *rožat ollah ruskiel ku muarjažet* «щеки красные, как ягодки»¹⁴; *ruskei on vie nenä da očču ukolles* «красные еще нос и лоб у мужика (мужа)»¹⁵. Последняя поговорка означает, что у человека еще достаточно здоровья, чтобы и семью прокормить, и детей завести. Согласно этнокультурным традициям молодых по возвращении с венчания сажали на печь и подавали им свежее молоко и ягодный сок для того, чтобы дети у них родились белолицые и румяные¹⁶: *suagua lapsi meren vaahten valgevus, lohen kalan ruskevus* «родите ребенка, чтобы он был белый, как пена, румяный (букв.: красный), как рыбалосось»¹⁷.

Обратимся к символике красного цвета в карельской этнокультуре. В праздничной одежде карелы отдавали предпочтение рубашкам красного цвета. Женщины носили сарафаны «матурники», крашенные подмаренником. Нити красного цвета применялись в традиционной вышивке [15, 127–128]. Здесь красный цвет одновременно являлся и украшением, и оберегом. О значимости красного цвета в образе

⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 65.

⁸ Ibid. Osa 5. S. 196.

⁹ Ibid. S. 197.

¹⁰ Ibid. S. 196.

¹¹ Ibid. S. 197.

¹² Ibid. Osa 4. S. 502.

¹³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 202.

¹⁴ Там же. С. 210.

¹⁵ Karjalaisia sananpolvia. S. 443.

¹⁶ См.: Образцы вепсской речи. С. 241.

¹⁷ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 441.

человека можно судить по следующим карельским поговоркам: *punasta pitää olla vaikka särinsilmän verran* «красного должно быть хоть с плотвиный глаз»¹⁸; *hoš tervaškanto šuorita ruškeih, – šeki rušottau!* «хоть пень смоляной в красное одень, будет красив!» [22, 185–186].

В лечебной практике карелов красному цвету придавалось большое значение. Например, при избавлении от рожистого воспаления применялись предметы быта, элементы одежды или минеральные средства красного (как вариант – белого) цвета. Повсеместно практиковалось использование красной тряпки или красного шерстяного платка [1; 19; 25; 26]. Тихвинские карелы (д. Коргорка) мыли прямую кишку от забитой коровы и, высушив, хранили на печке. Для вытягивания жара из нарывов высушенный кусок кишки распаривали в кипятке и, прижав к больному месту (например, под мышкой или за ушами), накрывали заячьей шкурой и обвязывали красной фланелью [19, 146].

В карельской лечебной практике красный цвет использовался в обрядах в сочетании с другим цветом, чаще всего с белым. Для избавления от рожистого воспаления жители Олонецкого (ПМА) и Пряжинского (ПМА) районов смазывали больное место мелом (белый цвет), сверху обвязывали красной тряпкой, приговаривая: *“Ruskevus, mene iäres! Valgevus, jäi nahkah!”* («Краснота, уйди прочь! Белое, останься на коже!») [5, 194]. Подобный способ лечения был распространен и у вепсов¹⁹.

В некоторых лечебных ритуалах сочетались три цвета. Например, карелы, проживавшие в Архангельской губернии, сначала обильно посыпали рожистое воспаление мелом, затем накладывали сверху слой льняной кудели и синей бумаги, а в завершение перевязывали красным шнуром. Использование именно этих трех

цветов (белого, синего и красного) объяснялось тем, что белый цвет уничтожает «красноту во время воспаления», а красного и синего «рожа боится» [1, 24]. Сочетания цветов при проведении магических ритуалов, включая лечебные, были характерны и для славян. Устойчивыми считались сочетания красный–черный, красный–белый, а также красный–белый–синий [3, 650].

В карельской этномедицине цветовая символика отражена и в прогностике заболеваний. По мнению суоярвских карелов, человек, заболевший Божьей болезнью (подробнее об этом см.: [18]), узнавал об этом из сна, в котором видел красную (как вариант – черную) лошадь²⁰.

В основе некоторых карелоязычных наименований болезней прослеживается лексема *ruskei*, обозначающая ‘красный цвет’. Деноминальное имя существительное *ruškičča* (диалектные варианты: *ruskičču*, *ruškič*, *ruškičče*²¹) ‘краснуха, корь’ является самым распространенным наименованием в диалектах карельского языка (ср.: вепс. *ruskič*, *rusttainē*, *ruskii*, *ruskei*²²). Лексемы образованы от словообразовательной основы имени прилагательного *ruskei* → *ruskie-* ‘красный’ путем присоединения суффиксов *-čča*, *-čču*, *-čče*, *-č*.

Обратимся к некоторым языковым примерам из диалектов карельского языка: *lapših tulou ruškičča* «к ребенку краснуха/корь пристанет» (г. Тверь); *ol'in i minä lapsennu ruskičus* «в детстве я болела краснухой/корью» (п. Салми); *ruskičaz on lapsi* «у ребенка краснуха/корь» (д. Сямозеро). Стоит обратить внимание на то, что в карельском языке заболевания краснуха и корь могут обозначаться одной лексемой *ruškičča* (в диалектах – согласно фонетическим вариациям).

Тверские и сямозерские карелы применительно к краснухе и кори использо-

¹⁸ Karjalaisia sananpolvia. S. 404.

¹⁹ См.: Образцы вепсской речи. С. 288.

²⁰ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 1. S. 523.

²¹ См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. С. 134; Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198; Kujola J. Op. cit. S. 370.

²² См.: Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков. С. 134.

вали лексему *ruššičča/rubi, ruskiččurubi*²³ (букв.: ‘краснуха/оспа’). В данном наименовании прослеживается связь с симптомами недугов: в период заболевания на коже появляются красные мелкие прыщи и горло воспаляется/краснеет [23, 111]. Тихвинские карелы в качестве основного симптома отмечали сильный жар: *ruškičašša palat iče što tulešša* «во время краснухи весь горишь, как в огне»²⁴.

В лечении упомянутых недугов акцент делался на использовании материи красного цвета. Данный способ основывался на принципе «подобное отталкивает подобное». Жители д. Семеновское (тверские карелы) и Коргорка (тихвинские карелы) избавлялись от кори с помощью красной тряпки: ею накрывали ребенка. Кроме того, все окна в комнатах занавешивали занавесками красного цвета²⁵. Для сравнения отметим, что у вепсов, проживающих в д. Пяозеро и Пондала, напротив, заболевший корью ребенок находился в темной избе. Возможно, это было связано с тем, что в мифологии темнота (мрак) соотносится с миром мертвых и смерти. Следовательно, поместив корь в условия темноты, люди пытались «изгнать болезнь красного цвета»²⁶. У олонекских карелов (г. Олонец) способы лечения кори и краснухи были идентичными: заболевшего одним из этих недугов ребенка относили в жарко натопленную баню, раздевали, заворачивали в красную тряпку и парили сухим веником, подбрасывая на раскаленные камни жидкую закваску [5, 84]. Тверские карелы во время парения ребенка читали заговор, в котором акцентировали внимание на цвете болезни: *“Ruškiene rubuozeni, armahane rubuozeni, ota omaš hyvyöt, anna omat tervehyšmiän raba boozella lapšella”* «Красная оспа, любимая оспа, возьми (ты) свое добро, отдай нашему рабу Божьему, ребенку его здоровье». По возвращении из бани дитя усаживали на почетное место за столом и клали перед ним

выкрашенное в красный цвет яйцо²⁷, произнося: *“Ka tässä siulaš gostinčat”* «Вот тебе гостинцы» [14, 101].

Карелы, проживавшие в Беломорской, Олонецкой и Центральной Карелии (например, д. Вокнаволоок, Суднозеро, Толлорека, Хietaярви) для облегчения боли и лечения растяжения скручивали специальную нить – ск. *venymärihma* ‘нитка от растяжения (букв.: растяжение/нить)’. Для этого использовали нестираную шерсть трех разных цветов: красного, черного и белого. Больное место обвязывали три раза, делая каждый раз по девять узлов [27, 28]. Использование красной нити зафиксировано в сельскохозяйственной, а также в любовной магии.

Заключение

Таким образом, красный цвет является основным в цветовой символике карелов. Он наделяется апотропейными свойствами. Для обозначения красного цвета в карельском языке служат идентичные лексемы с учетом фонетических особенностей наречий: ск. *ruškíe, ruskie*, ливв. *ruskei*, люд. *rusked*. В собственно карельском наречии отмечено бытование именованная *ripáni*, заимствованного из финского языка. Как и у большинства народов, у карелов красный цвет ассоциируется с кровью, вместо названия которой карелы применяли эвфемизмы. Отмечаются символизирование красным цветом огня, употребление лексемы *ruskie* при описании внешности человека. Та же лексема лежит в основе некоторых карелоязычных наименований болезней. В лечебной практике карелов красному цвету придавалось большое значение. Примечательно, что красный цвет использовался в обрядах в сочетании с другим цветом, чаще всего с белым. Например, при избавлении от рожистого воспаления карелами применялись предметы быта, элементы одежды или минеральные средства красного (как вариант – белого) цвета. В карельской этномедицине цвето-

²³ См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 5. S. 198.

²⁴ Ibidem.

²⁵ См.: Образцы карельской речи. С. 304; Слушаю карельский говор. С. 145.

²⁶ Образцы вепсской речи. С. 138.

²⁷ Яйцо предназначалось для болезни.

вая символика отражена и в прогностике заболеваний. Использование красной нити зафиксировано в сельскохозяйственной, а также в любовной магии.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования предложенных материалов в курсах лексикологии, карельского языка, в преподавании краеведения и этнографии. Теоретическая значимость определена тем, что полученные данные могут заложить

основу для дальнейшего изучения символики цвета, цветового кода и т. д. в языковой и этнокультурной картине мира карелов.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>вепс.</i> –	вепсский язык
<i>ливв.</i> –	ливвиковское наречие карельского языка
<i>люд.</i> –	людиковское наречие карельского языка
<i>ПМА</i> –	полевого материал автора
<i>ск.</i> –	собственно карельское наречие карельского языка

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов Т. М. Знахарство в Карелии // В помощь просвещенцу. 1929. № 1. С. 17–28.
2. Бакиров М. Х. Семантика цвета в контексте истории, искусства и художественной словесности тюрков // Филология и культура. 2015. № 1. С. 114–119.
3. Белова О. В. Красный цвет // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 647–651.
4. Богордаева А. А. Цветовая символика в традиционной одежде обских угров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 98–104.
5. Верхний Олонец – поселок лесорубов: опыт этногр. описания. М.; Л.: Наука, 1964. 195 с.
6. Винокурова И. Ю. Свадебная обрядность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Вепсы. Петрозаводск, 2019. С. 420–438.
7. Винокурова И. Ю. Традиционная одежда // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Вепсы. Петрозаводск, 2019. С. 376–389.
8. Жульников А. М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 200 с.
9. Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина и духи-хозяева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 408 с.
10. Иванова Л. И., Миронова В. П. Досвадебная обрядность и свадебный ритуал карелов (конец XIX – первая половина XX в.): исследования и материалы. Петрозаводск: Periodika, 2018. 365 с.
11. Кондратенко А. А. Черный и белый цвета в славянских дохристианских верованиях о божестве смерти (к постановке вопроса) // Наука и образование сегодня. 2019. № 8. С. 97–99.
12. Конкка А. П. На плечах Большой Медведицы: избр. ст. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН: Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН, 2015. 342 с.
13. Конкка А. П. Похоронно-поминальная обрядность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Карелы. Петрозаводск, 2019. С. 194–209.
14. Лавонен Н. А. Карельская скатерть: ее функции в народном быту и традиционных обрядах // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 82–102.
15. Логвиненко Е. С. Традиционная одежда // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Карелы. Петрозаводск, 2019. С. 127–134.
16. Логинов К. К. Похоронно-поминальная обрядность // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 291–300.
17. Панина Т. И. Символика цвета в удмуртской народной медицине // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 3. С. 34–49.
18. Пашкова Т. В. К вопросу о языческо-христианском синкретизме в карельской народной медицине (на примере болезни *jumalanviga* ‘насланный Богом на человека недуг’) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 75–77.
19. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 287 с.
20. Серов Н. В. Семантика цвета в традиционных культурах. Санкт-Петербург: [Б. и.], 1998. 282 с.
21. Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX – начало XX в. /

- отв. ред. Е. И. Клементьев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 172 с.
22. Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku: SKS, 1965. 279 s.
23. Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisu-kukielissä. Savonlinna: WSOY, 1983. 366 s.
24. Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki: SKS, 1944. 343 s.
25. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia / toim. P. Laaksonen. Porvoo: WSO, 1995. 248 s.
26. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki: SKS, 1971. 388 s.
27. Virtaranta P. Kynällä kylmällä – kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. Helsinki: SKS, 1993. 356 s.

Поступила 27.09.2022; одобрена 15.11.2022; принята 30.06.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. В. Каракин – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Red color in the linguo- and ethnoculture of the Karelians

Jevgenii V. Karakin

Tatyana V. Pashkova

*Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. In the proposed article, the authors delve into the meaning and symbolism of the color red in the linguistic worldview and ethnoculture of the Karelians. The focus is on lexemes that denote the color red. The authors also explore the linguistic color palette, including the linguistic symbolism of fire, blood, and descriptions of a person's appearance. The relevance of the study is underscored by the need to examine various aspects of the language and culture of the Karelians, who are considered indigenous peoples facing the threat of extinction.

Materials and Methods. The material for the study was Karelian language dictionaries, samples of Karelian speech and folklore sources. Comparative-comparative, comparative-historical and ethnolinguistic research methods were used.

Results and Discussion. The collected and analyzed material has shown that the Karelians attributed significant importance to the color red. It was endowed with apotropaic properties and served as a talisman. In the linguo-cultural context, the naming of the color red is reflected in the formation of the Karelian linguistic worldview when denoting blood, human appearance, illnesses, and more. The practical significance of this research lies in the potential utilization of the presented material in courses on lexicology, the Karelian language, as well as in the teaching of regional studies and ethnography. The theoretical significance is defined by the fact that the obtained data can lay the foundation for further exploration of color symbolism, color codes, and related topics in the linguistic and ethnocultural worldview of the Karelians.

Conclusion. The collected and analyzed material has demonstrated that the color red held a distinct significance in the language and culture of all Karelian groups. This tendency is also observed among other Baltic-Finnic peoples, particularly the Veps and Finns.

Keywords: Karelians, Karelian language, red color, linguistic worldview, ethnoculture

For citation: Karakin JV, Pashkova TV. Red color in the linguo- and ethnoculture of the Karelians. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15;3:334–342. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.03.334-342.

REFERENCES

1. Alimov TM. Witchcraft in Karelia. *V pomoshch' prosveshchentsu = To help the enlightened*. 1929;1:17–28. (In Russ.)
2. Bakirov MKh. The semantics of color in the context of history, art and literature of Turks. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2015;1:114–119. (In Russ.)
3. Belova OV. Red color. *Slavianskie drevnosti = Slavic antiquities*. Moscow; 1999;2:647–651. (In Russ.)
4. Bogordaeva AA. Color symbolism in the traditional clothes of the Ob Ugrians. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii = Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 1999;2:98–104. (In Russ.)
5. Pimenov VV et al. Upper Olonets – a village of lumberjacks. Moscow; Leningrad; 1964. 194 p. (In Russ.)
6. Vinokurova Iu. Wedding rituals. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Vepsy = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Vepsians. Petrozavodsk; 2019;8:420–438. (In Russ.)
7. Vinokurova Iu. Traditional clothing. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Vepsy = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays*. Vepsians. Petrozavodsk; 2019;6:376–389. (In Russ.)
8. Zhul'nikov AM. Ancient dwellings of Karelia. Petrozavodsk; 2003. (In Russ.)
9. Ivanova LI. Karelian bathhouse: rituals, beliefs, traditional medicine and host spirits. Moscow; 2016. (In Russ.)
10. Ivanova LI, Mironova VP. Pre-wedding rituals and wedding ritual of the Karelians (late XIX – first half of the XX century): research and materials. Petrozavodsk; 2018. (In Russ.)
11. Kondratenko AA. Black and white colors in Slavic pre-Christian beliefs about the deity of death (to the question). *Nauka i obrazovanie segodnia = Science and Education Today*. 2019;8:97–99. (In Russ.)

12. Konkka AP. On the shoulders of the Big Dipper. Featured articles. Petrozavodsk; 2015. (In Russ.)
13. Konkka AP. Funeral and memorial rituals. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Karely = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Karelians.* Petrozavodsk; 2019;7:194–209. (In Russ.)
14. Lavonen NA. Karelian tablecloth: its functions in folk life and traditional rituals. *Obriady i verovaniia narodov Karelii = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia.* Petrozavodsk; 1994:18–32. (In Russ.)
15. Logvinenko ES. Traditional clothing. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki. Karely = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Karelians.* Petrozavodsk; 2019;5:127–134. (In Russ.)
16. Loginov KK. Funeral and funeral ritual. *Istoriia i kul'tura Siamozher'ia = History and culture of Syamozero.* Petrozavodsk; 2008:291–300. (In Russ.)
17. Panina TI. Colour symbolism in Udmurt folk medicine. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniĭ = Yearbook of Finno-Ugric Studies.* 2013;3:34–49. (In Russ.)
18. Pashkova TV. On Pagan-Christian syncretism issue in Karelian folk medicine (case study of *jumalanviga* disease “God’s sent affliction”). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i humanitarnye nauki = Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities.* 2015;1:75–77. (In Russ.)
19. Riagoev VD. Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad; 1977. (In Russ.; In Karel.)
20. Serov NV. Semantics of color in traditional cultures. Saint-Petersburg; 1998. (In Russ.)
21. Surkhasko IuIu. Family rituals and beliefs of Karelians, late XIX – early XX centuries. Leningrad; 1985. (In Russ.)
22. Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku; 1965.
23. Koski M. Värien nimitykset suomessa ja lähisukukielissä. Savonlinna; 1983.
24. Nirvi RE. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki; 1944.
25. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo; 1995.
26. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki; 1971.
27. Virtaranta P. Kynällä kylmällä – kädellä lämpimällä: muistiinpanoja tapauksista ja tapaamisista. Helsinki; 1993.

Submitted 27.09.2022; reviewing 15.11.2022; accepted 30.06.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

J. V. Karakin – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, karakin.86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3684-0971>

T. V. Pashkova – Doctor of History, Head of Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>